

Социальный заказ и творчество

— Было-бы излишне повторять эмигрантские причитания о зажиме мысли в России. Единственный подход, возможный для политика, присматривающегося к процессам, происходящим на Родине, это подход критического анализа, завершаемого творческим синтезом неясных еще черт Русского возрождения, синтезом Русское будущее и намечающим путь нашего служения Молодой России.

С этой точки зрения мы и подойдем к положению литературного творчества, как оно сложилось при советском режиме.

Проблема эта чрезвычайно обширна и в данной статье мы выскажем только самые общие мысли, отложив детальный разбор на будущее. Если мы теоретически подойдем к возможным правовым положениям литературного творчества, то намечаются два полюса, — абсолютная свобода и полная зависимость, — между которыми лежит область творчества подцензурного. Но это теоретически, в организованном обществе полная свобода неосуществима. Волю индивидуума всегда ограничивает воля человеческого коллектива — государства.

Для того, чтобы определить неизменную, в основном, направленность этой воли, укажем, что мы имеем в виду государство христианское.

На самом деле, — вообразим, на момент, что свобода общественного выявления творчества ничем не ограничена. Завтра же книжный рынок будет заполнен эманациями большого, аморального духа, проповедью преступления и разврата. Зло заразительнее добра, так как следование путем добра требует духовного усилия, а пути зла пролегают в долине инстинктов. И мы видим, на примере безпризорности, что поколение, выросшее без сдержки морали, представляет общественную опасность.

Интересно отметить, что большевики, все силы приложившие к разрушению основ христианского общества и основной его единицы — семьи, принуждены бить отбой. Теперь они называют, — со своей стороны им местечковой развязностью, все правила общежития, издавна принятые Русскому миру Православной Церковью, — коммунистической моралью. Пускай утешаются, победа Нации и вдохновляющего ее православия от этого не умалится, поражение материализма не станет менее разительным.

Но у бесконтрольного слова есть и другие возможности отравления общества — проповедь разрушительных социальных учений, прививка непротивленческой бледной немочи, перечисление было-бы слишком длинно... Все эти явления должны, во имя общего блага, быть обезврежены. Этим целям и служит цензура. При этом, она всегда характеризуется одним общим признаком — ограничивает свободу писателя, но никогда не диктует ему его тем, никогда его не направляет. Творчество ограничивается, но не фальсифицируется.

И все-же это вмешательство государства вызывает протесты общества. Возмущает самая мысль о возможности для какого-то неведомого чиновника уродовать цензорским карандашем творения больших писателей и мыслителей. Нельзя не признать, что эти протесты бывают, порой, обоснованы, но это доказывает, только несовершенство постановки цензуры, в данном случае. Необходимость ее остается очевидной.

В государстве просвещенном, проникнутом культом творчества, цензура разумна и благожелательна. Сейчас, в эпоху общественного одичания, когда система зажима мысли явление почти повсеместное, и мы сами, незаметно, проникаемся варварским духом диктатуры, странно перечитывать многие и многие страницы Русских классиков. Как смело, как открыто и публично декларировали они свою революционность, как беспощадно обличали современные им власти. Читаешь и чувствуешь, как в твоём сознании нарастает охранительный протест. Конечно, государство, исполняя свою естественную функцию, пресекало попытки общественного поджигательства, но как либерально, как широко понимало оно свою задачу, как не походило оно на современные государства-застенки. Особые были в России и цензоры. Один из лучших Русских поэтов — Тютчев, занимавший должность старшего цензора, оставил нам изумительные строки:

«Велению высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы зазорны,
Хоть и со штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней».

В современной России действует жесточайшая и невежественная цензура, но власти этого недостаточно. В самом деле, чудовищное ущемление мысли, если оно не дополнено какими-то иными мерами, может привести только к задушенному шепоту или к полному молчанию. Но к этому-ли стремится диктатура?.. Нет! Ей нужны победные фанфары, нужно громогласное утверждение ее подвигам, нужно восторженное свидетельство Русской литературы. И вот, на сцену появляется термин — «социальный заказ». Что это такое? — Большевицкая критика так его определяет: социальный заказ есть сумма тех требований, которые страна предъявляет к своей литературе. Существуют-ли вообще подобные требования? — Нам думается, что — да. Но и в это понятие, как во все, к чему они прикасаются, коммунисты внесли фальшь и все искажающую, сектантскую однобокость. Большевицкий «заказ» не имеет ничего общего с правильно ими-же сформулированным подлинным социальным заказом.

Постараемся-же поскольку возможно, разъяснить это понятие. Безошибочный реактив социального заказа — время.

Когда пролетают года, десятилетия и, даже, столетия, а книги писателя все еще продолжают приковывать человеческое внимание или, преломляясь через творческое сознание, скрытно, но оттого не менее действенно, участвуют в создании новых духовных ценностей, то можно и должно сказать, что писатель, перед лицом своей Родины, социальный заказ выполнил. Предложенное определение чрезвычайно расплывчато, но, думается, всякое уточнение здесь и невозможно.

Но, кроме суда времени, есть еще один, и притом, беспощадный. Суд собственной совести. Его решения для писателя окончательны. Все высказывания, против которых восстает авторская совесть, уже осуждены. Надо оговориться, что может быть совесть и ложно направленная, но и тут писателю необходимо соблюсти ей верность, так как искусство способно жить и грехом, но несовместимо с фальшью. Произведение, напоенное злом, если оно талантливо, будет жить черной тенью в мире. Оно останется вне большой дороги христианского искусства, ведущей к Богу, но не утратит смысла существования. Тени подчеркивают свет. Но никакие ухищрения разума не спасут произведения, лишенного внутренней правды, от жалкого провала в будущем. Ибо социальный заказ не может быть удовлетворен ложью. Настоящее, современность, иногда, и как часто мы это наблюдаем, рукоплещет мертворожденному произведению, но будущее оно иметь не может. Вся история литературы тому красноречивое свидетельство. Победный шум в лагере друзей, восторженные реплики, вся эта мишура отлетит, когда посторонний человек возьмет в руки книгу, которая одна, без чужой помощи, должна завоевать его сознание. Такова будет судьба многих наших эмигрантских писателей, которые оказались «пруше» — по чьему-то меткому замечанию — самого Марселя Пруста.

Может быть, это подражательство модным течениям запада и имеет свои объяснения, но такова-ли традиция Русской литературы? Неужели национальное сознание не подсказало нашим писателям, пользующимся благами свободы, иных тем в эти страшные и ответственные годы.

Каков же Русский социальный заказ?

Он необыкновенно широк. Его отличает, прежде всего, глубокое стремление к истине и полное отсутствие идеи немедленного, званого вознаграждения. Тут большое смирение и большая вера.

Поясню примером. Романы Диккенса ставят нас, лицом к лицу, со страданиями обездоленного человека, несчастней, трагедией. Но английский социальный заказ не позволяет автору завершать свои эпопеи, так как они начаты — правдиво. Конца — всегда увенчание добродетели, посрамление порока. Видно, иначе нельзя. Только так можно бороться, в мире Диккенса, за высокие идеалы.

Но, неправда-ли, нам этого не нужно? Служение истине остается для нас целью и тогда добро распинают, всегда порок, зло, черное начало торжествует в мире. Больше того, искусственно подогнанное, под занавес, торжество добродетельных героев Диккенса оставляет нас холодными. А гибель князя Андрея Болконского исторгает

из нашей груди слезы восторга и клятвы верности, верности через самую смерть.

И вот с такой традицией, с таким высоким пафосом, Русская литература рассталась...

Зачем? — Чтобы кричать, вслед за победителем сегодняшнего дня, — «распни!»

Кого? — Да всякого, кто станет на пути колесницы цезаря.

Есть о чем призадуматься...

И недаром советская статистика говорит, что Русский человек, и сейчас требует в библиотеках, главным образом, классиков. Он черпает у них силу, которая, в конце концов, сметет деспотию.

И — ирония судьбы — чем старательнее исполняют советские писатели «социальный заказ», тем дальше от них читатель, тем шире раскрывается безднo между писателем и Русским народом.

Потому что то, что объявлено сейчас социальным заказом — попросту правительственный заказ.

Естественно, что Русский человек, всегда искавший и находивший в своей литературе честное, прямое, нужное ему слово, с отвращением отбрасывает книгу, где низкопоклонная, угодливая мысль пытается позолотить народные цепи. Не будем делать из этих положений слишком черных выводов. Конечно, и сейчас раздаются в России честные голоса.

Но основная тенденция, повторим, увы, угодническая.

Тем ярче, в этой страшной ночи, горят великие имена Русских классиков и тем неизбежнее сердце и разум к ним возвращаются.

Что же произошло с Русским писателем? — На этот вопрос нельзя дать общего ответа. Конечно, террор, полная зависимость от власти сделали свое дело, но тут действовали не только эти факторы. Для писательского «молодняка» атмосфера застенка была привычной. Он в ней вырос. Может быть и самая мысль о протесте, обличении никогда не приходила многим из них в голову. Другие писатели приумолкли, будучи не в силах лицемерить и дожидаясь лучших времен. На это «дезертирство» в советской печати слышатся частые жалобы. Наконец, не нужно быть ясновидцем, чтобы высказать уверенность в том, что где-то под спудом лежит не одна рукопись, ждущая своего часа. Те из них, которые когда-то увидят свет, послужат оправданием для их авторов — в них будет выполнен подлинный социальный заказ нации.

Но долго еще, после падения диктатуры, Русское творчество будет страдать от того народного недоверия, которым окружило его выполнение большевицкого «социального заказа». И невозможно переоценить это черное наследие Русского лихолетья.

Культурному отбору станет неизмеримо труднее вести за собою страну. Самая ответственная задача — создание Русского гражданина, единственной гарантии устойчивости государства, ляжет на плечи культурного общества и, в первую голову, Русского писателя, утратившего в глазах народа тот ореол исповедничества, подчас мученичества, который составлял его главную силу.

Диктатура — непревзойденный гаситель духа. Она строит мо-

сты, высушивает болота, проводит каналы, возводит города в пустынях, завоевывает страны, но живое и животворящее слово при ней замолкает.

Имеются все основания думать, что России, после крушения коммунизма, предстоит пережить тяжкий период социальных исканий. В эти дни, выплывут, на взбаламученную поверхность народного моря, всевозможные пророки и претенденты на «сводительство».

Мы твердо верим, что Россия пройдет мимо их посулов, которые волшебным превратились бы в новое порабощение нации, в случае успеха одного из таких «гениальных и единственных». Потому что практика диктатур, в какие-бы одежды они нерядились, заключается в разделении народа на два клана: малочисленной и всемогущей «опричинны» и всей остальной массы — бесправной «земщины».

Для тех, кто верит в равенство рождений, кто помнит, что под каждой деревенской крышей может таиться Ломоносов, такое разделение начисто неприемлемо.

Но сейчас в России положение изменилось, наученный горьким опытом народ уже невозможно загнать в кабалу одним обманом. Нужна материальная сила, чтобы захватить власть.

Этой злой матерьяльной силе должно противопоставить дух творческой свободы, честное и смелое Слово писателя-гражданина.

Николай Вадвич.

Восстань Пророк!

(К столетию)

Восемнадцатый век блещет и царствует Елизаветы и эпохой Екатерины, Ломоносовым и Державиным, но надо все-же сказать, что Фальконетт, со своим бессмертным творением забежал вперед: Медный Всадник на коне-то уже, конечно, сидел, но взвиться еще только собирался. «Тяжело-звонкое скаканье» раздалось чуть позже, — когда коня взял под уздцы и вывел на просторы Российские тот человек, столетие со дня кончины которого мы сейчас поминаем. Именно с него и через него дело Петра — Российская Империя нашла то, чего ей еще не хватало: Красоту. Это была наибольшая победа. По безбрежным даям «от хладных финских скал до пламенной Колхиды», по седой старине и современности прогулялось пламя Победы и пронизало таинственным светом камни, леса и души. Все окзалось уже навеки сросшимся, неотделимым — Империя пошла в глубину, и с этого времени Медный Всадник не только «Божия гроза», но и «лик его прекрасен». И рядом с Державным Всадником становится курчавый, молодой человек в сюртуке, с книжкой в руке и взором, буравящим какие-то дальние облака, который как никто имеет право на титул «птенца гнезда Петрова» — первейшего из всех первых. Потому что, если за воином и строителем не следует этот